

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1. Стр. 364 - 372.

-- Неужели вы еще не слыхали об этой истории?.. Нет?.. Удивительно!.. В городе сегодня только и говорят что о ней. Я, если хотите, господа, могу рассказать вам некоторые подробности.

Небольшой кружок тотчас же сомкнулся около рассказчика, сотрудника местной газеты. Речь шла об утренней городской новости -- двойном самоубийстве: чиновника местной палаты и его любовницы, модистки лет семнадцати. Перед слушателями промелькнули в протольно-отчетном изложении человека, давно привыкшего к газетной подробности, все характерные, хотя и мелочные факты несчастной любви, окончившейся так трагически. Невозможность женитьбы, вследствие бедности, неудовольствие родителей обоих любовников, продолжительность связи, обратившая любовь в равнодушную привычку к регулярному возбуждению страсти, трогательные по своей наивной простоте записки самоубийц, завещавших похоронить их вместе, и, наконец, ужасная смерть на общей постели. Рассказ вызвал много шумных и разнообразных толков. Некоторые утверждали, что самоубийство есть вообще признак слабости, другие говорили, что в данном случае имело место не двойное самоубийство, а убийство и самоубийство, третьи вспоминали аналогичные случаи из газетной хроники.

Одна из присутствующих женщин, слушавшая рассказ сотрудника с бледным лицом и блестящими глазами (как всегда слушают женщины истории об очень самоотверженной или очень несчастной любви), произнесла с мечтательным выражением в голосе:

-- А все-таки это была сильная любовь. Сколько они перенесли несчастий, и какие блаженные минуты они пережили, пока не дошли до своего страшного решения! Каждая женщина втайне мечтает о такой любви.

Эти слова обратили на себя общее внимание. Все замолчали на некоторое время. Наконец хозяин - пожилой человек, помятое лицо которого и седые волосы на голове представляли удивительный контраст с красивыми и оживленными, почти юношескими глазами, -- первый нарушил молчание.

-- Конечно, это была не обыденная любовь, -- сказал он своим тихим, грудным голосом, -- и вы, сударыня, очень метко выразились, что она принесла покойным чересчур много сильных ощущений. Но, по-моему, очень часто происходят в жизни эпизоды, на вид совершенно ничтожные и тем не менее скрывающие за собой больше страданий и радостей, чем это ужасное происшествие. В одном из таких эпизодов я сам был действующим лицом, и, если бы я не боялся вам, господа, наскучить...

Гости заявили, что они с удовольствием послушают, и пожилой человек начал свой рассказ.

-- Лет двадцать пять тому назад я поступил студентом в N-ский университет. Город был совершенно незнакомый, но по счастливой случайности я нанял очень приличную и недорогую квартиру вблизи университета, в самой тихой и спокойной местности.

Первое время я себя чувствовал как на крыльях. Alma mater universitas [*Мать-кормилица университет (лат.)*], неизмеримость и величие науки, бескорыстное служение человечеству -- все эти такие смешные в настоящее время слова наполняли мою душу сладостным и гордым трепетом. Мой рабочий день был строго распределен по часам для удобства занятий, я много читал, аккуратно посещал лекции и каждый вечер приводил в порядок свои дневные записки.

Настала весна, теплая, душистая, опьяняющая весна, о всех прелестях которой на севере и понятия не имеют. Одна за другой расцветали черемуха, сирень и белая акация, наполняя воздух томным благоуханием. Наступили нежные, серебристые ночи, во время которых я не мог сомкнуть глаз, и все мое существо ныло тревожным и радостным ожиданием.

В одну из этих чудных ночей в мое сердце пробрался женский образ. Однажды, вернувшись часов в одиннадцать вечера от товарища, я сидел, не зажигая огня, у открытого окна, выходящего в густой, полужаросший сад. Светила луна, и круглые куполы деревьев казались окутанными полупрозрачным белым туманом. Где-то далеко целый хор лягушек кричал звонко и вперебой. Вдруг в саду завизжала на петлях и потом громко брякнула калитка, и до меня донесся веселый, звучный и радостный, несомненно, женский смех. Два женских силуэта показались на дорожке под моим окном, исчезли на мгновение в тени широкой липы, потом опять показались в светлом пятне и опять исчезли. Обе незнакомки были стройны и высоки ростом и шли обнявшись. Я не помню, о чем они разговаривали, -- кажется, о каких-то женских пустяках, об отделке для шляпок или об общих знакомых, но их свежие, молодые голоса, перебиваемые часто беззаботным смехом, ужасно взволновали меня. Чего бы я ни дал в эти мгновения, чтобы идти, обнявшись таким же образом, с одной из них по таинственному, наполненному влажной теплотой и